

Е.В.Падучева

ВЫСКАЗЫВАНИЕ
И ЕГО СООТНЕСЕННОСТЬ
С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ

НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е.В.Падучева

ВЫСКАЗЫВАНИЕ И ЕГО СООТНЕСЕННОСТЬ С ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

(РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
СЕМАНТИКИ МЕСТОИМЕНЕЙ)

Ответственный редактор

доктор физико-математических наук

В.А. УСПЕНСКИЙ

МОСКВА

"НАУКА"

1985

Монография посвящена проблемам соотнесения высказывания с действительностью — с конкретными предметами, событиями и ситуациями реального мира. Анализируются референциальные аспекты семантики местоимений, описывается роль местоимений и местоименных слов в осуществлении референции.

Рецензенты:

Н.Д. Арутюнова, Р.С. Гиляревский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена референции, т.е. проблемам соотношения высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире. Референция в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция осуществляется говорящими в речевом акте. Поэтому основные проблемы референции — это проблемы механизмов и средств актуализации предложения, включенного в речевой акт и превращенного в высказывание. Актуализация осуществляется с помощью местоименных и артиклетоподобных элементов в составе именной группы, а также категорий времени, вида и наклонения в составе глагольной. Главное внимание в работе уделяется местоименным актуализаторам — местоимениям и местоименным словам.

В работе уточняются понятия, необходимые для последовательного описания референции — понятие речевого акта; иллюкутивной функции высказывания, т.е. коммуникативного намерения говорящего; презумпции в ее семантическом и прагматическом варианте и др., и вводится ряд новых понятий, главным из которых является понятие денотативного статуса — для именных групп с предметным значением и для пропозициональных компонентов предложения. Дается типология денотативных статусов и выявляется взаимодействие денотативного статуса с синтаксической структурой предложения, с семантикой лексики, с коммуникативной (темо-рематической) организацией высказывания, а также с прагматическим контекстом акта речи в целом; выявляются связи между денотативными статусами предметных именных групп и пропозициональных компонентов; исследуется роль денотативных статусов в кореференции.

Языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир (действительность), с которым он соотносится — даже такой текст, который явно не рассчитан на оценку его с точки зрения истинности/ложности, например сюжетно-художественный текст: "... действительность может быть не только объективной, но и мыслимой, воображаемой... Впрочем, различие между этими двумя видами действительности весьма неустойчиво" (Балли 1955: 88).

Центральное понятие в работе — высказывание. Люди в своей речевой практике имеют дело с высказываниями, а не с предложениями. С предложениями имеют дело лингвисты. Но и в лингвистике объектом описания является на самом деле не предложение, а некий гибрид предложения и высказывания. Так, в любое описание синтаксиса входит "классификация предложений по цели высказы-

вания" (это деление предложений на утвердительные, вопросительные, восклицательные), хотя, казалось бы, если классифицируются предложения, то при чем тут высказывание? Или говорят, что в смысл предложения *Было бы сейчас лето!* входит семантический компонент 'Говорящий хочет ...'; но откуда берется говорящий, если в этом предложении нет даже слова *я*? Действительное решение вопроса состоит, однако, не в том, чтобы провести границу между предложением и высказыванием, а в том, чтобы по крайней мере при описании семантики предложения эксплицитно рассматривать предложение в контексте речевого акта, т.е. описывать семантику предложения, функционирующего как высказывание. Объект, с которым должна иметь дело семантика, — это не только семантическое представление предложения, но и семантико-прагматическое представление предложения, включенного в речевой акт, см. § II.3¹.

Хотя книга имеет преимущественно теоретическую направленность, следует сказать о ее прикладных истоках. Она возникла в связи с многолетней работой автора над построением алгоритмов перевода с естественного языка на информационно-логический. В частности, понятие денотативного статуса явилось результатом осознания недостаточности кванторов, используемых в классической математической логике, для представления языковой референции в полном ее объеме. Поэтому работа связана с проблематикой автоматической переработки информации уже по своему первоначальному замыслу. Она связана и с современными исследованиями в области искусственного интеллекта. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что в центре нашего внимания оказались местами, этот общепризнанный камень преткновения для всех лингвистических процессов, и речевой акт, изучение которого необходимо для построения информационных систем, работающих в режиме диалога.

Общий план работы следующий. Первая часть посвящена теоретическим аспектам референции. Глава I — это обзор логических теорий референции. В главе II дается анализ понятия высказывания в теории речевых актов и описывается механизм формирования суждения, который действует в речевом акте. Глава III посвящена презумпциям (пресуппозициям), прежде всего презумпциям существования и единственности, которые составляют основу семантики конкретной референции. Глава IV содержит полный обзор типов референции. Здесь вводится понятие денотативного статуса — именной группы и пропозиционального компонента — и рассматриваются связи денотативного статуса с семантикой и синтаксической структурой предложения. В главе V рассматривается связь референции с коммуникативной структурой предложения. Обнаруживается зависимость употребления того или иного типа имен от роли этого имени в коммуникативной структуре предложения.

Вторая часть — описание семантики и синтаксического употребления местоименных слов: местоимений и наречий. Вводный раздел содержит

¹ В работе принят следующий способ ссылок на ее главы и параграфы: § II.3 означает § 3 главы II. При ссылках в пределах главы номер главы не указывается.

общую классификацию местоимений и определение основных понятий, используемых в их анализе — таких, как кореферентность, анафорическая связь и др. Главы VI — XII посвящены основным разрядам местоимений, выделяемым при референциально-семантической классификации, — личным местоимениям, местоимениям 3-го лица, указательным, возвратным, кванторным (универсальным и неопределенным) и вопросительным. Семантическая уникальность местоимений 1-го лица рассматривается как следствие уникальной роли говорящего в речевом акте. Местоимения 3-го лица описываются на базе понятия кореферентности (в противоположность концептуальному тождеству) и ее разновидностей, обусловленных денотативным статусом местоимения. При анализе указательных местоимений раскрывается соотносительная роль концепта и отсылки к референту в семантике местоимения. Возвратные местоимения представлены как тип, в наиболее чистом виде выражающий кореферентность. Класс местоимений, традиционно выделяемых как неопределенные, делится на подклассы, в соответствии с различием денотативных статусов. Из местоименных слов с универсальным значением рассматривается *всегда*; попутно затрагиваются общие проблемы квантификации в глагольной группе. Для вопросительных местоимений показана их связь с семантикой вопросительного предложения.

Следует сказать о языковом материале работы. Часть приводимых примеров заимствована из словарей и из цитируемой лингвистической литературы (если пример не носит принципиального характера, ссылка на лингвистический источник иногда опускается). Некоторые примеры взяты из картотеки Словаря русского языка Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Литературный источник примера указывается обычно лишь в том случае, если он почему-либо представляет специальный интерес — например, если правильность предложения может быть поставлена под сомнение. Широко используются и "искусственные" примеры.

Всякое лингвистическое описание — как синтаксическое, так и семантическое — основывается на интуитивных суждениях носителей языка, касающихся грамматической правильности, однозначности, синтаксической связности, синонимичности, функционально-истинностной эквивалентности предложений или высказываний. Иногда эти суждения должны быть достаточно тонкими, и не удивительно, что они могут быть у разных людей разными. По крайней мере часть этих расхождений обусловлена различием идиолектов. Однако в некоторых случаях расхождения можно объяснить разницей установок. Обычно лингвист оказывается более строгим в суждениях относительно допустимости предложения, а "неискушенный" говорящий склонен проявлять изобретательность в нахождении таких смыслов и условий, при которых высказывание становится допустимым (ср. Postal 1974). Полезно оговорить, что большинство семантических запретов ориентировано на усредненную норму и на усредненную ситуацию общения — на нейтральную интонацию произнесения, обычный контекст и т.д. Впрочем, часто приходится скорее поражаться тому, сколь много об-

щего имеется в семантических суждениях разных людей, т.е. тому, как много знают носители языка о своем языке.

Более ранние варианты некоторых разделов этой книги были опубликованы в виде отдельных статей. В основу главы VI положена статья: Е.В. Падучева, Анна А. Зализняк. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица (*Finitis duodecim lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту: Ээсти раамат, 1982).

Автор приносит глубокую благодарность Н.Д. Арутюновой и В.Г. Гаку за ценные советы и соображения, высказанные по поводу данной книги, а также С.А. Крылову за помощь в работе и за составление предметного указателя.

Глава I

ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ КАК РАЗДЕЛ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

§1. РЕФЕРЕНЦИЯ И СМЫСЛ

В центре внимания данной работы находятся механизмы референции, т.е. соотнесения языковых выражений с действительностью — механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире. Хотя проблемы референции, несомненно, входят в задачи лингвистики¹, до последнего времени лингвистическая семантика занималась преимущественно смыслом языковых знаков. Такой важный аспект знака, как отношение к обозначаемому объекту — предметная соотнесенность, признается, вообще говоря, существенным (см. Курилович 1962: 251, Бенвенист 1974: 14, Виноградов 1975а, Маслов 1975: 113), но обычно остается в тени.

В лингвистике имеются разнообразные исследования, посвященные отдельным проблемам референции — речевым актам, теории высказывания, проблеме актуализации предложения в высказывании, дейксису, анафорическим и кореферентным отношениям в тексте, местоимениям, кванторным словам, именам собственным, пропозитивным и предметным номинациям, категории предикативности и модальностям, нереферентным синтаксическим употреблениям именных групп, категории определенности и артикля. Обобщающие работы в области лингвистической теории референции принадлежат Н.Д. Арутюновой (см. Арутюнова 1976а, Арутюнова 1980, Арутюнова 1982).

В противоположность лингвистике в логике референции знака издавна отводилась решающая роль. Более того, в некоторых логических концепциях смысл знака полностью сводится к его референции. Даже фундаментальная работа Г. Фреге 1892 года (см. Фреге 1977), доказавшего на примере предложений тождества противопоставленность денотата и концепта знака, не остановила логических исследований, имеющих целью редукцию смысла языковых выражений к их референции, а лишь направила их по другому руслу.

¹«Ведению лингвистики подлежат все возможные проблемы отношения между речью и универсумом (миром) речи» (Якобсон 1975: 195).

Референция — это соотнесенность, вообще говоря, с индивидуальными и каждый раз новыми объектами и ситуациями. Поэтому референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи — для высказывания и его компонентов: "Значение — это свойство предложения как типа, а референция и истинность — это свойства данного употребления предложения и его компонентов в высказывании" (Стросон 1982а). Бессмыслен вопрос "Какова референция слова *человек*?" — как и любого другого слова в словаре, равно как и словосочетания (например, *молодой человек, человек высокого роста*) или предложения, построенного по правилам грамматики. Предложение *Вошел человек* само по себе не имеет референции — оно не соотнесено ни с какой конкретной ситуацией, ни с какими объектами.

Между смыслом и референцией имеется следующее существенное различие. Смыслом — в большей или меньшей степени автономным — обладает всякий синтаксически связный компонент предложения. Автономной же референцией обладает не всякий осмысленный компонент высказывания; например (см. Frege 1952), предикатное слово ничего не обозначает, а только приписывает свойство. Тезис о дискретности референции подробно развивается в работе Bhat 1979. Мы считаем референцию свойством: а) целого предложения (употребленного в составе высказывания); б) пропозициональных компонентов, входящих в состав такого предложения; и в) именных групп предложения (тоже актуализованного в высказывании).

Хотя референция осуществляется в ходе речевого акта, т.е. в высказывании, все механизмы референции принадлежат языку: средства, с помощью которых говорящий осуществляет свою референцию и делает ее достоянием слушающего, входят в семантику предложения. В этом смысле можно говорить о референциальных аспектах семантики предложения: в ходе речевого акта говорящий только приводит в действие те механизмы референции, которые заложены в предложении. Предметом изучения в лингвистической теории референции служит предназначенность предложения и его частей к тому или иному референциальному употреблению.

Референциальные аспекты семантики предложения вступают в многообразные связи со всеми другими аспектами и уровнями его структуры (см. § IV. 7) — с лексической семантикой (смысл многих слов сводится к указанию типа или способа референции); с семантикой грамматических категорий — прежде всего с видом, временем и наклонением; с синтаксической структурой (например, изменение синтаксической функции слова может менять его референциальные свойства). Референция находится в сложном взаимодействии с коммуникативной структурой (актуальным членением предложения, см. гл. V).

В то же время осуществление референции связано с прагматикой коммуникативного акта. Сама семантика референциальных элементов языка прагматична: она обращена на говорящих, на их общий фонд знаний, на контекст. Смысл слова, выполняющего референциальную функцию, — это своего рода инструкция по нахожде-

нию референта, выполнить которую предстоит участникам речевого акта (см. Крылов, Падучева 1983). Действительно, референция связана с индивидуализацией объектов, а самый продуктивный механизм индивидуализации — через указание связи объекта с тем речевым актом, о котором в нем идет речь.

Имеется и другая линия связи референции с прагматикой. Референция в естественном языке связана с отнесением объекта к тому или иному таксономическому классу — это языковая универсалия (см. Freudenthal 1960). Логико-семантический аспект референции определяется тем, как именно выражение соотносится с этим классом — выбирает ли оно один объект класса, весь класс, его часть и т.д. (см. Арутюнова 1982). Однако во всех языках выражение этой семантической информации неразрывно связано с категорией определенности (грамматической в артиклевых языках и скрытой, семантической — в безартиклевых, типа русского), т.е. с прагматическим противопоставлением по известности/неизвестности объекта для говорящего и слушающего.

В литературе по философской логике термин "референция" часто используется только в применении к конкретной референции, т.е. к высказываниям об индивидуализированных объектах. Между тем в любом высказывании именные группы как-то соотносятся с действительностью — в том числе и в таком, как *Кит — млекопитающее* или *Все люди смертны* (см. об этом Балли 1955: 92), так что широкое понимание референции более оправданно.

Не входит в компетенцию лингвистики вопрос о том, существует ли реально то, что является объектом референции говорящего, и истинно ли в действительности то, что он утверждает². Существование в реальном мире и в мире мифа древней Греции лингвистически равноценны, ср. обширную логическую литературу о Пегасе, которая вся бьет мимо цели. Как пишет Линский (1982: 173), "когда мы говорим о кинофильмах, песнях, романах, снах, суевериях, вымышленных ситуациях и т.п., наши слова как бы попадают в зону действия особых операторов". Высказывания людей, которые обсуждают фильм, находясь в зоне действия оператора, порождающего мир этого фильма, см. Серл 1982: 181. Возможны и столкновения этих миров друг с другом — одновременное их рассмотрение, которое служит содержанием высказывания, ср. пример из работы Чехов 1979: *Наполеон в романе Толстого не похож на Наполеона в книге академика Тарле... обсуждать, какой из этих Наполеонов ближе к своему историческому прототипу, бессмысленно*, где фигурируют три разных Наполеона из трех миров — мира Толстого, мира книги Тарле и реального мира. Лингвистическая проблема возникает в том случае, если в высказывании обнаруживается одновременно несколько различных субъектов референции: их представления о реальности существования объектов и вообще об

²Практически любое высказывание, если параметр истинности окажется для него существенным (что далеко не всегда так, ср. Манин 1981), может стать предметом спора; такое безобидное высказывание, как *Скорый поезд Москва — Таллин проходит через Ленинград* является ложным, если *проходит через X* понимается как 'останавливается на одном из вокзалов X', и истинно при каких-то других пониманиях.

устройстве мира могут разойтись, и тогда возникает необходимость в рассмотрении множества возможных миров, лишь один из которых является реальным, см. Иванов 1982.

Лингвистически существенным параметром является истинность (предложения или его компонента), к которой обязывает себя говорящий самим смыслом своего высказывания; например, высказывание *Иван знает, что X* обязывает говорящего считать, что X истинно, в отличие от высказывания *Иван считает, что X*, которое не накладывает на говорящего такого обязательства. Как говорит Ш. Балли, "знак в самом себе несет свое значение... и только оно одно существенно для коммуникации. Оно может находиться в противоречии с мыслью того, кто употребляет знак" (Балли 1955: 46).

В логической традиции, идущей от Фреге, принята единообразная трактовка референции предметных термов и пропозиций — пропозиции, как и термы, имеют референт (для пропозиции референтом считается её истинностное значение). Между тем в работах прагматического уклона (Стросон 1982а, Линский 1982) референция понимается в первую очередь как свойство предметных термов. Для лингвистики более естественна единообразная трактовка референции предметных термов и пропозиций: прикрепленность речевого высказывания к действительности создается не только референцией предметных термов, но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями.

§ 2. МЕСТОИМЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ СРЕДСТВ РЕФЕРЕНЦИИ

Исследование, посвященное референции в естественном языке, с неизбежностью обращается в исследовании о местоимениях. Действительно, местоимения и вообще местоименные элементы языка — это главное средство референции. Ср. Quine 1953, p. 13: "Pronouns are the basic media of reference; nouns might better have been named *pronouns*".

Из выражений, предназначенных для конкретной референции (в предметной сфере), приводятся обычно следующие три класса (ср. Стросон 1982а, Schwarz 1979, Searle 1969: 184): 1) дейктические местоимения (*я, ты, оно, это*); 2) имена собственные (*Венеция, Наполеон, Попов*); 3) дескрипции, т.е. выражения, включающие имя нарицательное и детерминатив — артикль или указательное местоимение, явное или подразумеваемое (*этот стол, король Франции*). Если учесть, что второй из перечисленных классов, собственные имена, "занимает периферийное положение в лексике любого языка" (Уфимцева 1974: 156; ср. об этом Курилович 1962: 251), а третий содержит местоимения или местоименные элементы, то остается признать, что местоимения и есть тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции. Отметим, кроме того, что и дескрипции, и (хотя и в меньшей мере) собственные имена могут иметь, помимо конкретно-референтного, и другие употребления, в

том числе предикатное (о неререферентных употреблениях собственных имен см. Василевская 1979, Sloat 1969; примеры неререферентного употребления дескрипций см., в частности, в Линский 1982). Местоимениям такая полифункциональность не свойственна. Так что местоимения составляют к тому же и самый чистый класс референтных выражений.

С другой стороны, если перейти от конкретной референции к другим видам референции — универсальной, экзистенциальной и пр., то здесь незаменимость местоимений еще более очевидна.

В число средств референции входят все показатели анафорических связей, поскольку, устанавливая кореферентность имен, они тем самым указывают референцию.

Что касается непредметной референции, то здесь главную роль играют не слова, а грамматические категории — время и наклонение, причем время по самой своей сути является категорией дейктической, т.е. местоименной (ср. в Бенвенист 1974: 314, и в Патнэм 1982 о том, что местоимения входят, вместе с некоторыми глагольными категориями, в единую систему указательных — или индексальных — средств языка). Средства выражения непредметной референции остаются в значительной мере за пределами настоящей работы.

Местоимения образуют класс слов, с обязательностью присутствующий в любом языке, и одновременно такой, единство которого часто подвергалось сомнению и оспаривалось. Семантические исследования последних лет подтверждают интуицию традиционной грамматики, которая всегда отстаивала единство класса местоимений как непосредственную очевидность. Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотносительности высказывания с действительностью.

§ 3. РЕФЕРЕНТ, ДЕНОТАТ, ЭКСТЕНСИОНАЛ

В логической семантике употребляются термины двух этимологических гнезд: одно с корнем *denote* — денотат, денотативный, другое с корнем *refer* — референт, референтный, референция. Л. Линский (1982) считает, что различие между этими группами терминов в том, что *denote* выражает двуместное отношение между языковым выражением и обозначаемым объектом, а *refer* подчеркивает, что это отношение по существу трехместное — третьим членом отношения является говорящий, субъект референции. Однако сложившееся соотношение употреблений этих терминов более сложное.

Во-первых, между этими терминами имеется хронологическое распределение. Термины с корнем *denote* использовались в тот период, когда логики, обращаясь к естественному языку, ограничи-

вались контекстно-независимыми предложениями, так что собственно прагматические аспекты высказывания оставались в стороне; именно так употребляется термин "денотат" у Рассела: денотат — это объект, к которому отсылает обозначающее выражение (*denoting phrase*), например определенная дескрипция. Позднее, при возросшем интересе к прагматике, термин "референция" стал употребляться иногда и там, где достаточно двуместного отношения обозначающего к обозначаемому; например, в Dummett 1973 фрегевское *Bedeutung* переводится как *reference*, хотя у Фреге круг рассматриваемых языковых выражений примерно тот же, что у Рассела (впрочем, и сейчас некоторые логики называют денотатом тот объект, который соотносится с данной группой в данном речевом акте, не имея в виду, что это единственный объект, обладающий теми свойствами, которые входят в ее смысл, как в употреблении Рассела, см., например, Stalnaker 1972). В работе Frege 1952 *Bedeutung* переводится как *denotation*.

Во-вторых, есть тенденция называть референциальными все виды отношений языковых выражений с действительностью, а не только отношения обозначающих выражений. Например, говорят о референции в применении к предикатным словам, ср. Davidson 1980, с. 131: "Мы понимаем под референцией отношение между собственным именем и тем, что оно называет; сингулярным термом и тем, что он обозначает (*denotes*); предикатом и объектами, для которых он истинен". Вообще термины *refer* и *denote* употребляются многими авторами как синонимы (ср. Pfeifer 1966, с. 146: "the term 'bachelor' can *refer to*, or *denote*, one of the objects").

Конкретная референция во всех практически интересных случаях подразумевает участие говорящего (см. § IV. 3), поэтому разграничение Л. Линского не только не отражает реального употребления, но и не соответствует действительным потребностям. Наиболее существенным представляется различие между референцией как соотносительностью языковых выражений с референтами, которая возникает в контексте речевого акта, и отношением слов и некоторых сочетаний (так наз. общих имен, простых и сложных) к их экстенсionalу, т.е. множеству всех потенциально возможных референтов (см. Карнап 1959), которое определяется значениями языковых выражений и не имеет отношения к акту речи. Референция выражений, построенных с участием той или иной номинативной лексемы, определяется, по крайней мере частично, экстенсionalными связями этой лексемы. Однако референциальными естественно называть только те аспекты семантики предложения, которые касаются референции актуализованных предложений, а не экстенсionalа лексем, поскольку описание экстенсionalа лексических единиц для лингвиста практически сводится к описанию его значения: это "обыкновенная", а не референциальная семантика. Куайн и др. используют для отношения лексемы к ее экстенсionalу термин "денотация", восстанавливая традицию, идущую от Дж. С. Милля, который называл денотатом слова его экстенсional (или произволь-

ный элемент экстенционала, см. Lyons 1978: 207³). Мы считаем допустимыми для терминов "денотативного" гнезда, ввиду полной стертости их значения, только фразеологически связанные употребления.

Иногда к референциальным аспектам значения слова относят всю ту фактическую информацию, которую говорящему естественно использовать для того, чтобы осуществить таксономическую идентификацию объекта, т.е. установить его принадлежность к данному таксономическому классу (это понимание представлено, в частности, работой Nunberg 1978). В таком понимании референциальные аспекты значения противопоставлены разве что оценочным. Мы считаем здесь более уместным говорить о денотативных аспектах значения слова.

Все языки допускают некоторые типы варьирования значения слова, резко влияющие на его экстенционал. Приведем примеры такого варьирования (ср. обсуждение проблем этого рода в работах Шмелев 1973, Апресян 1974, Nunberg 1978):

1) *писатель* (и любое собственное имя писателя, например *Пушкин*) — сам писатель и его произведения;

2) *Пекин, Вашингтон* — столица государства и его нынешнее правительство;

3) *книга* (и любое соответствующее имя собственное) — литературное произведение и физический предмет (*Толстой написал "Анну Каренину" в 1877 году — Он ударил меня "Анной Карениной" по голове*); аналогично для всех физических носителей информации — *диссертация, словарь, статья, газета, оттиск* и т.д.;

4) *трамвай* (и любой номер трамвая) — физический объект и маршрут; аналогично для всех других видов транспорта;

5) *"Труд"* — газета и редакция газеты;

6) *тарелка* — физический предмет и содержимое; аналогично для всех видов вместилищ, ср. *вся палатка, наша байдарка*.

Вариативность такого рода непоследовательно отражается в словарях, а ее универсальный характер показывает, что ей, возможно, и место не в словаре, а в общей теории метонимических переносов — ср. тот факт, что активнее всего участвуют в процессах такого рода имена собственные, которых в толковых словарях вообще нет. Для данного явления представляется более уместным термин "денотативная неоднозначность" (а не "референциальная", как в Pfeifer 1966).

Важным примером денотативной неоднозначности является противопоставление факт/процесс (см. Арутюнова 1980б), ср. *сообщил о создании* (факт) — *участвовал в создании* (процесс).

Денотативная неоднозначность имеет отношение — хотя и косвенное — к проблематике теории референции; в частности, она должна быть принята во внимание при определении понятия кореферентности, см. с. 134.

³Поскольку denote — это буквально "обозначать", то иногда говорят, что общее имя "обозначает" любой элемент множества, составляющего его экстенционал. Однако "обозначает" естественно понимать только как 'имеет референтом'.

Явление другого рода может быть продемонстрировано на примере слов типа *молодой*, *лысый*: про эти слова иногда говорят, что они обладают референциальной неопределенностью, поскольку множество объектов, обладающих соответствующими свойствами, имеет размытые границы. В соответствии с принятым нами делением эти слова естественно охарактеризовать как имеющие размытый экстенционал: их экстенционал — размытое множество.

У. Вейнрейх говорит применительно к глаголу *есть* о неопределенной референции, указывая на то, что конкретные физические действия, связанные с едой, могут быть существенно различны — в зависимости от того, ест ли человек ложкой, вилкой или руками; ест ли он (вилкой), скажем, бобы или спагетти и т.д. (Weinreich 1966: 411). Однако здесь тоже правильнее было бы говорить о свойствах экстенционала, а не референтов, и скорее об экстенциональной разнородности, чем о неопределенности.

§ 4. О НЕСВОДИМОСТИ СМЫСЛА К РЕФЕРЕНЦИИ

Говоря о референции, естественно охарактеризовать общую семантическую концепцию, в рамки которой должно укладываться предлагаемое ее описание. В последние годы получила широкое распространение логическая теория семантики естественного языка, которую можно назвать референциальной теорией семантики (функционально-истинностная семантика Тарского, теоретико-модельная семантика Крипке, семантика Монтэгу, семантика условий истинности — *truth-conditional semantics*, см. Montague 1974; ср. также Fodor 1977, Allwood, Anderson, Dahl 1977, Павленко 1983). Эта теория принадлежит к числу редукционистских теорий смысла, поскольку в ней ставится задача свести смысл языковых выражений к каким-то другим сущностям, а именно, к референции и истинности. Исходное положение этой теории состоит в том, что всякое предложение описывает некоторое положение вещей, в котором оно истинно, так что, вообще говоря, понимать предложение — значит знать, какое положение вещей имеет место в случае его истинности (см. Витгенштейн 1958). Отсюда возникает идея свести различие смыслов предложений к условиям истинности тех утверждений, которые могут быть сделаны с его помощью.

Один из первых вариантов референциальной теории семантики — это теория истины А. Тарского⁴.

Теория истины (языка *L*) — это множество теорем (Т-предложений) вида “*s* истинно, если и только если *p*”, где *s* — предложение, а *p* — его условие истинности, представленное на том же языке или же на каком-то метаязыке.

Условия истинности сложных высказываний (в исчислении вы-

⁴Теория истины Тарского создана для формализованных языков и применима только к тем фрагментам естественного, смысл которых поддается формализации с помощью классической логики. О зависимости смысла и референции предложения от контекста речевого акта мы при изложении теории Тарского не упоминаем, поскольку она заведомо ограничена контекстно независимыми предложениями.

сказываний) задаются с помощью истинностных таблиц. Действительно, связки *и*, *или*, *если* — это функции, которые позволяют по истинности исходных предложений вычислять истинность результата. Для пропозициональных констант условия истинности задаются формулами типа:

- (1) Предложение *Снег белый* истинно, если и только если снег белый.

Теория предполагает порождающий аппарат для бесконечного множества предложений языка и считается адекватной, если она имплицитно предпосылает Т-предложение для каждого предложения языка L.

В формуле (1) простое предложение (*Снег белый*) рассматривается как семантически неразложимое. Если же обратиться к внутренней структуре простого предложения, то понадобятся дополнительные понятия. Рассмотрим предложение *Сократ мудр*. В нем имя *Сократ* относится к индивиду, а предикат *мудр* выражает свойство "быть мудрым". Если свойство трактовать экстенционально — как принадлежность соответствующему множеству, то условия истинности предложения *Сократ мудр* таковы: предложение истинно, если и только если объект, обозначенный как *Сократ*, принадлежит множеству всех мудрых объектов. Аналогично формулируются условия истинности для других видов простых предложений, в частности, для предложений с кванторными словами, с предикатами, выражающими двуместное отношение и проч.

Приняв условия истинности за определение смысла, мы можем заменить формулу "*s* истинно, если и только если *p*" на "*s* означает *p*", получив тем самым определение смысла предложения как функцию от его структуры.

Постольку множество Т-предложений в своей совокупности задает условия истинности для всех предложений языка L, то, приняв условия истинности за смысл, мы получаем теорию, которая показывает, как смысл предложения зависит от его структуры.

Однако модель Тарского дает удовлетворительное описание смысла только для того фрагмента естественного языка, который поддается формализации средствами классической логики предикатов 1-го порядка: смысл логических констант и предикатов получает в ней экстенциональное определение. За пределами этого весьма ограниченного фрагмента остается большое количество типов языковых выражений, которые не имеют в рамках этой теории никакого объяснения с точки зрения их понимания носителями языка. К таковым относятся, в частности, модальные понятия (*необходимо*, *возможно*), пропозициональные установки (*знает*, *считает*, *хочет*, *боится* и т.д.), предложения условия — особенно контрфактические условные предложения, временные выражения, местоимения, выражающие кореферентность не в действительном мире и др. Анализ этих выражений в пределах классической логики невозможен. В расширенной референциальной теории семантики, развитой прежде всего в работах Крипке и Монтэгу, где смысл рассматривается как истинность относительно множества возможных миров — миров, являющихся альтернативами к действительному миру (идея, идущая от Лейб-

ница), — для этих типов выражений дается адекватная интерпретация (возможный мир — это, содержательно, состояние мира, которое могло бы иметь место в тот или иной момент, вместо реального; формально, возможный мир определяется множеством пропозиций, которые в нем истинны).

Так, с помощью понятия возможных миров модальные понятия необходимой и возможной истины естественно интерпретируются как истинность во всех или в одном из возможных миров; контрафактическое условие — как условие, выполняющееся в мире, отличном от реального; предикаты мнения порождают множество миров, совместимых с мнением субъекта (т.е. таких, в которых соответствующее предложение истинно), не обязательно включающее реальный мир.

Если у Тарского функции истинности, задающие смысл предложений, принимали значения только из действительного мира, то здесь возможный мир становится одним из свободных параметров (аргументов) этих функций.

Второе важнейшее отличие концепции Монтэгу, породившее надежды на использование семантики условий истинности в лингвистике, — это то, что набор аргументов функций истинности, представляющих смысл предложения, был расширен за счет так наз. индексальных компонентов предложения. Анализу в рамках классической логики недоступны те предложения естественного языка (а таких подавляющее большинство), которые содержат индексальные элементы, например, слова *он*, *сейчас* или глагольное время: истинностным значением обладает не предложение (*Идет дождь*), а его употребление в речевом акте, см, § II. 5. Эта трудность была преодолена в семантике Монтэгу за счет введения индекса, или точки референции, в число аргументов функции истинности. В конечном счете, смысл предложения (его интенционал) — это функция, позволяющая установить истинность предложения в зависимости от возможного мира, времени, места высказывания, говорящего и других индексальных характеристик.

Понятие интенционала (референтного выражения и предиката) в референциальной теории семантики служит формальным аналогом смысла. Интенционал референтного выражения — это функция, сопоставляющая каждому из возможных миров некоторый индивид, являющийся референтом этого выражения в этом мире. Таким образом, интенционал референтного выражения позволяет сопоставить выражению множество объектов, являющихся референтами этого выражения в разных возможных мирах. Действительно, можно считать, что человек понимает смысл выражения *король Франции*, если он может в каждом из возможных миров указать его референт. Интенционалом предиката (одноместного) является функция, сопоставляющая каждому миру множество индивидов, т.е. экстенционал данного предиката в данном мире. Интенционал предложения — это функция из возможных миров в истинностные значения (т.е. функция, задающая условия истинности суждения для каждого из миров).

Семантика Монтэгу позволяет дать семантическую экспликацию